

Михайлов Дмитрий

Студент 3-го курса СТФ БелГу

Смысл и значение Откровения

Понятие Божественного Откровения.

Одной из важнейших и неотъемлемых положений любого религиозного учения является вера в возможность и необходимость Божественного Откровения. В каждой религии учение о нем имеет свои особенности, обусловленные спецификой понимания Бога и человека. Христианство полностью зиждется на Откровении, Христу обязано своим возникновением, Им "живет и движется, и существует". Чтобы увидеть основные особенности христианского учения об Откровении, необходимо рассмотреть ряд вопросов. Что является источником Откровения?

Слово «откровение» означает сверхъестественное открытие Богом непознаваемых истин людям. Человек есть часть мира. Мир создан без участия человека. Человек ограничен временем своего рождения и смерти и пространством своего пребывания. Как часть не может познать целого, так и человек не может познать всего. Он не может сам, собственными силами ума постичь ни первопричины всего существующего, ни смысла своей и мировой жизни, ни цели вселенной. Эти вопросы, которые встают и требуют разрешения в сознании каждого человека, неразрешимы человеческим умом. Единственный возможный способ разрешения этих и многих других насущнейших духовных запросов заключается в откровении. Если Бог захочет открыть людям эти непознаваемые истины, тогда и только тогда человек сможет познать их.

Бог захотел этого и открыл людям истину. Он послал на землю своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Который принес людям истину, способ ее познания (метод или путь познания истины) и подлинную жизнь (ибо без помощи Божией не может быть вечной жизни). «Я есмь путь и истина и жизнь», – сказал Христос.

Философское понятие об откровении.

О природе откровения часто высказывались и высказываются ложные воззрения. Их необходимо разоблачить. Знаменитый философ еврей Филон Александрийский и некоторые христианские

сектанты древности (например, так называемые монтанисты) высказывали взгляд, что для восприятия откровения необходимым условием следует признать особое состояние бессознательного экстаза. В новое время подобный взгляд был высказан в протестантском богословии XVII–XVIII веков. По этому учению, лица, сподобившиеся быть провозвестниками Божественных откровений, сами не сознавали этих откровений, а воспринимали их пассивно и были только техническими передатчиками Божественной благодати. Это учение глубоко ложно. Самое понятие откровения предполагает принимающий его разум. Отнимать свет разума у человека в момент откровения нет никакого основания, ибо сам разум дан человеку Богом именно для познания истины!

Крайне рационалистические взгляды на природу откровения сводятся к отрицанию возможности сверхъестественного откровения и попыткам свести его к откровению только естественному. Все эти попытки оказываются бесплодными, ибо приводят к неразрешимым противоречиям. Анализ понятия абсолютной истины приводит к дилемме: либо такая истина непостижима, либо может быть только богооткровенной и сверхъестественной.

Пантеистическое понятие об откровении фактически сводится к отрицанию откровения. Если природа есть Бог, то Ему некому и не в чем открываться. В философских пантеистических системах откровение понимается как самооткровение Бога в человеческом духе. По учению, например, Гегеля, абсолютный дух вечно и разнообразно открывается в разнообразных видах (в природе, в человеческом духе, в истории человечества); он открывается не человеку, а в человеке, приходя в нем к самосознанию. Таким образом, знание человека о Боге, в сущности, есть знание Бога о Себе Самом.

В истории новейшей философии были попытки построения целых сложных теорий об откровении. Одной из таких теорий, получивших значительное распространение, была теория немецкого философа Шлейермахера, жившего в первой половине XIX века. Шлейермахер считал чудом всякое жизненное явление, ибо ни одно явление жизни не может быть до конца понято. Расширяя так понятие чуда, он тем самым отрицал явления чудесного, как его понимает христианство. Откровением Шлейермахер признавал всякое новое, выдающееся явление человеческого духа, свойственное гениям. Таким образом, сверхъестественное, по его мнению, есть то же естественное,

только чрезвычайно редкое и исключительное по значению в человеческой жизни. Эта смесь деизма с пантеизмом полна противоречий. Произвольно и чрезмерно расширяя понятия чуда, откровения, вдохновения, Шлейермахер делает их расплывчатыми и ничего не объясняющими.

Часто среди философов нового времени высказывалось сомнение в возможности сверхъестественного откровения. Проблема сверхъестественного откровения по существу упирается в проблему чуда вообще. Если возможно чудо, то возможно и сверхъестественное откровение. Вера в него зависит от доброй или злой воли человека. Истинность откровения, кроме рационалистического обоснования, окончательно доказывается прагматически, опытным путем христианской жизни.

Основные философские концепции откровения (Гегель, Шеллинг, Хомяков).

Философские концепции Гегеля. Философия духа.

Часть философской системы Гегеля - философия духа - посвящена рассмотрению "абсолютной идеи" на заключительном этапе ее развития, когда она, покидая природу, "возвращается" к самой себе в качестве "абсолютного духа", т.е. "абсолютной идеи", преодолевшей свое "отчуждение", снявшей свое отрицание (природу) и развивающейся как самосознание человечества на всем протяжении всемирной истории. В природе, по Гегелю, духовное содержание находится в постоянном конфликте с ограниченной и инертной материальной формой. Философия духа Гегеля есть идеалистическое учение о развитии индивидуального и общественного сознания, об умственном развитии человечества вообще. Поэтому история человечества, сведенная к истории его духовного развития, оказывается в конечном счете историей познания и самопознания.

Философия духа состоит из учения о субъективном духе (антропология, феноменология, психология), учения об объективном духе (право, нравственность, государство) и учения об абсолютном духе как высшей ступени самопознания "абсолютной идеи" (искусство, религия, философия).

В антропологии речь идет об индивидуальном развитии человеческой личности, об отношении души и тела, о расовых различиях, различии человеческих возрастов, о здоровье и болезненном состоянии человеческого организма, о характере, темпераменте и т.п. Характеризуя отличие человека от животного,

Гегель вслед за французскими просветителями указывает на первостепенное значение прямохождения, давая, однако, чисто идеалистическое объяснение этому факту. Правильно отмечая, что расовые различия не дают никаких оснований для расизма, Гегель тем не менее полагает, что расы и нации образуют различные ступени самоопределения “абсолютного духа”, ввиду чего различия между ними в области культурного развития в принципе непреодолимы. Исследуя человеческие возрасты, Гегель приходит к ошибочному выводу, что выступление личности против существующих общественных порядков представляет собой юношеское увлечение, которое исчезает вместе с переходом к зрелому возрасту. Взрослый человек, мужчина, по мнению Гегеля, “работает в пользу дела, а не во вред ему, заинтересован в сохранении существующего порядка, а не в разрушении его...”. Последующее развитие индивидуального сознания Гегель прослеживает в феноменологии и психологии. Здесь он приходит к заключению, что в основе индивидуального сознания лежит “объективный дух”. Это понятие охватывает, по Гегелю, правовые и нравственные отношения, к которым немецкий идеалист относит также семью, гражданское общество и государство. Нравственность, таким образом, идеалистически истолковывается как внутреннее содержание и движущая сила не только правовых, но также материальных и политических отношений, различные формы которой рассматриваются как необходимые стадии развития объективного нравственного духа.

Искусство, религия и философия, по учению Гегеля - высшие формы самосознания “абсолютного духа”: в них завершается всемирная история и мировой разум полностью осознает себя и самоудовлетворяется. Философию Гегель рассматривал как наиболее глубокое выражение истины, противопоставляя ее в этом отношении религии. Однако и религия, по мнению Гегеля, содержит абсолютную истину, но лишь в форме чувственного, так сказать наивного, образного представления. Поэтому, хотя философия, по Гегелю, выше религии, содержание философии, в конечном счете, совпадает с содержанием религиозного учения, поскольку и там и тут предметом познания оказывается “абсолютная идея”, выражающая в системе Гегеля и Бога и мир в целом. Гегель, следовательно, игнорирует противоположность науки и религии, не видит величайшего прогрессивного значения той борьбы, которую вели естествознание и прогрессивная материалистическая философия против религиозного мировоззрения.

Философские концепции Шеллинга. Философия откровения

Философия откровения, по Шеллингу, есть "венеч науки, своим путем идущей вперед". Философия стоит перед высшим требованием: она должна подвинуться к такому делу-свершению, чтобы установилось иное ее отношение к высшим предметам действительности. Философия откровения включает в себя в качестве составных частей философию мифологии, мистики, религии.

Естественная религия — начало религии; она несвободна и преисполнена суеверий; она есть религия мифологии. Но естественная религия и религия откровения вместе создают возможность "религии свободного философского понимания". Поэтому должны быть рассмотрены не только мифология, но и откровение — с тем, чтобы достичь рубежей "третьей религии". Какова "третья религия", остается во многом непонятным. Но вот "религия откровения", т.е. христианство, предстает в полноте и философской сущности. Главной задачей поздней философии Шеллинга оказывается раскрытие внутреннего смысла христианской религии, подлинности христианской веры и обнаружение того, как эта вера с помощью "нашей науки" приводит в связь другие, божественные, природные и человеческие вещи. Именно в той части, где тема откровения разбирается непосредственно, Шеллинг делает свою философию своего рода философской христологией. "Под откровенней, в противоположность мифологии или язычеству, мы понимаем христианство", — прямо говорит Шеллинг.

Соответственно подразделы философии откровения таковы: Христос как Логос; предсуществование Христа; очеловечение Христа; о смерти Христа; о воскресении Христа; о деяниях Христа; главные идеи в истории христианской церкви.

Философские концепции Хомякова.

Откровение о мире есть откровение Бога о себе самом. Религиозные догматы, "мифы" в смысле гносеологическом, являются, вместе с тем, и проблемами для разума, которые он осваивает и осмысливает. Религиозная основа философствования есть факт, не подлежащий даже оспариванию, все равно сознается он ею или не сознается. И в этом смысле история философии может быть показана и истолкована как религиозная ересеология. Философская характеристика ереси в истории христианского

богословия состоит именно в том, что сложное, многомотивное, антиномическое для разума учение упрощается, приспособляется к постижению разума, рационализируется и тем самым извращается.

Все основные ереси представляют собою подобный рационализм в применении к догматам. Рационализм, как такое злоупотребление разумом, имеет источником гордость разума, понимаемую не в смысле личной горделивости отдельных философов - ересеологов, но в объективном смысле - незнания им своей собственной природы, границ и состояния. Следовательно, на языке современной философии можно сказать, что философствующие ересеологи повинны в догматизме, в отсутствии критического осознания границ разума.

Есть три основных самоопределения мысли, образующих для нее исход и определяющих ее ориентацию. По этим трем рубежам разделяются все философские системы с их основными началами:

1. Ипостась или личность.
2. Идея или идеальный образ, логос, смысл.
3. Субстанциальное бытие как единство всех моментов или положений бытия, как реализующееся все.

Виды откровения: сверхъестественное и естественное, непосредственное и опосредованное, внешнее и внутреннее.

Сверхъестественное откровение – сообщение людям со стороны Бога каких-либо новых и неведомых для них истин. В более общем смысле откровением называется обнаружение божественных свойств — всемогущества, премудрости и благодати в творении мира и в постоянном промыслении о судьбах мира и человеческого рода. В состав сверхъестественного откровения входят:

- открытие неизвестного будущего,
- объявление сокровенного,
- изъяснение непостижимого для естественного человеческого разума.

Не все это содержится в каждом частном откровении, но всегда какой-нибудь из этих предметов непременно входит в состав каждого истинного откровения: или предсказание будущего, или возвещение тайн Божиих, или изъяснение глубочайших религиозно-нравственных истин, превышающих меру, средства и способы естественного человеческого познания.

Естественным откровением, или естественным богопознанием обычно называются те представления о Боге, человеке и бытии в целом, которые возникают у человека естественным путем на основании познания им самого себя и окружающего мира. Апостол Павел писал об этом: "Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы". Этот процесс естественного богоискания и богопознания всегда имел место в истории, он присущ человеку. И поныне многие приходят к вере в Бога и во Христа, фактически, ничего не зная о религии, о христианстве, не прочитав даже Евангелия.

Непосредственное откровение предполагает сообщение Самим Богом тех или других религиозных истин избранным лицам. Непосредственным откровением Божиим предполагается не только непосредственное внутреннее общение с Богом лица, которое удостоивается такого откровения, но и непосредственное восприятие слова Божия. Самый высший вид этого откровения составляет богоявление.

Опосредованное откровение бывает тогда, когда оно сообщается людям через посредство богодухновенных мужей или высших разумных существ — ангелов, как, например, благовестие Деве Марии и т.п.

Внешним откровением называется собственно акт сообщения со стороны Бога открываемой истины. Внешнее откровение даётся через особо избранных людей - пророков и апостолов - для возвещения истин веры и жизни широкому кругу лиц (отдельному народу, всему человечеству). Таковым, во-первых, по значимости является Священное Писание и Священное Предание Нового Завета, во-вторых, "закон и пророки".

Внутренним откровением называется сверхъестественное внутреннее вдохновение лица, получающего откровение. Внутреннее откровение дается человеку с целью его назидания (и, иногда, ближайших к нему лиц). Многие из таких откровений, особенно даруемых святым, "нельзя пересказать" другому человеку. Поэтому в святоотеческих писаниях и в житийной литературе, хотя и рассказывается о различных переживаниях, видениях и состояниях святых, однако передается исключительно их внешняя сторона. В индивидуальных откровениях не сообщается каких-либо принципиально новых истин, а дается

лишь более глубокое познание того, что уже есть в Откровении общем.

Критерии истинности откровения.

А. Даллес приводит следующие критерии:

Преемственность. Обеспечивает ли откровение преемственность с верой и знанием о Боге верующих предыдущих поколений?

Внутренняя связность. Можно ли откровение сформулировать на понятийном уровне доступным способом, без внутреннего противоречия?

Правдоподобие. Противоречит ли откровение тому, что считается истинным в других областях? Если так, то дает ли откровение альтернативное объяснение явлений, отвечающих общему мнению?

Адекватность опыту. Освещает ли откровение более глубокие аспекты светского и религиозного опыта, как в рамках, так и вне границ христианства?

Практическая плодотворность. Будучи однажды принято, будет откровение помогать своим приверженцам укреплять христианские убеждения?

Теоретическая плодотворность. Будет ли откровение удовлетворять поискам религиозного понимания и будет ли полезным теологическому знанию?

Ценность для диалога. Будет ли откровение помогать в обмене взглядов с христианами других школ, с последователями других религий, со сторонниками светских учений?

Р. Свинбурн приводит некоторые дополнительные критерии:

1. Содержание должно быть уместно в отношении самых глубоких уровней человеческого благосостояния.
2. Это должно включить детали (подробности) жизни вне этой, к концу что мы воодушевлены в наших поисках добра и помогать нам в формировании нашего характера.
3. В то время как мы можем быть неспособны непосредственно доказать истинность того что дается, содержание, насколько мы можем сказать должно быть неспособным к тому, чтобы оказаться ложным.

4. Свидетельства за или против притязаний на истинность этого откровения должно быть взвешено таким же образом как свидетельства, выступающие относительно истинности любого другого набора притязаний.

Внешние и внутренние критерии.

Что касается подразделения откровения на внешнее и внутреннее, то это подразделение имеет для себя основание в самом понятии откровения, которым предполагаются две стороны: внешняя (объективная) и внутренняя (субъективная), — сообщение чего-нибудь и усвоение сообщаемого. Через одно внешнее сообщение откровенных истин не достигалась бы еще цель откровения. Откровение должно быть не только воспринято, но и понято и притом понято, безусловно, верно тем лицом, которому оно сообщено. А для этого необходима не только высшая степень естественной психологической восприимлемости, но требуется особое внутреннее озарение, которое означается словом «божественное» или «сверхъестественное вдохновение». В богословском словоупотреблении божественное вдохновение называется словом «боговдохновенность», которым означается сверхъестественное воздействие Духа Божия на пророков и апостолов, под наитием которого они правильно изъясняли сообщавшиеся им откровения и верно излагали их в своих священных книгах.

Негативные и позитивные критерии.

Апофатика — негативная теология, стремящаяся адекватно выразить абсолютную трансцендентность Бога путем последовательного отрицания всех его атрибутов и обозначений.

Катафатика — позитивная теология, описывающая Бога посредством позитивных утверждений и обозначений.

Божество, чтобы открывать себя человеку, должно гуманизироваться. Но эта гуманизация двойственна, она и положительна, и отрицательна. Бог может быть понимаем как антропоморфная личность, и Бог может быть понимаем как Истина, возвышающаяся над всем человеческим и над всеми идущими от тварного мира ограничениями, исключительно апофатическое понимание Бога как отрешенного Абсолютного ведет к отрицанию возможности всякого живого отношения между человеком и Богом.

Бог - личность. И человек есть противоречивое существо, у которого отсутствие любимого может ощущаться сильнее и острее, чем присутствие. Негативная теология учит о Боге, непосредственное присутствие которого может не чувствоваться, хотя Он в глубине. Очищение богопознания и богосознания должно идти в двух направлениях, в негативном направлении постижения Бога как не выразимой ни в каких человеческих понятиях и словах Тайны и в направлении позитивном как постижения человечности, божественной человечности Бога. Это и есть простая Истина христианского откровения.

Когда говорят, что движение, становление, нужда Бога значили бы несовершенство, неполноту Бога, остаются в совершенно условных, лишь человеческих словах. С наименьшим основанием можно было бы сказать, что движение и творческое восполнение в Боге есть признак его совершенства. Откровение Бога страдающего и тоскующего выше откровения Бога довлеющего себе и довольного собой. Так открывается высшая человечность Бога, человечность делается единственным Его атрибутом. Бог есть тайна и свобода, Бог есть любовь и человечность. Но Он не есть сила, власть, господство, суд и наказание и т. п., то есть не имеет этих «совершенно человеческих» атрибутов. Бог действует не во власти, а в человечности. Откровение человеко уже потому, что зависит от веры и от качества веры. Бог абсолютно возвышается над всякой объективацией, и Он не есть ни в каком смысле объектное, объективное бытие. Противоречивость и парадоксальность отношений между божественным и человеческим снимается лишь в Божественной Тайне, о которой никакие человеческие слова ничего не могут выразить.

Сверхъестественные и естественные критерии.

Первый из признаков, наиболее очевидный для каждого приступающего к чтению Нового Завета, - это нравственная высота, святость и глубокая чистота того идеала, к которому призывается человек. Невоздаяние злом за зло, любовь ко всем, даже к личным врагам, готовность душу свою отдать за других, наконец, потрясающий пример личности Самого Господа Иисуса Христа - Бога, смирившегося до реального вочеловечения и крестной казни ради спасения человека - все это несравнимо ни с одним учением мира, ни с одним из его идеалов. Подобного в целом не знала ни одна религия (включая ветхозаветную), ни одна философия. Уже это дает возможность ощутить неотмирность христианства, его сверхъестественные истоки.

Ярким свидетельством сверхъестественности Откровения, содержащегося в Священном Писании, являются пророчества. Под пророчествами в данном случае подразумеваются такие предсказания, которые не основывались и не могли быть основаны на каких-либо научных расчетах или особом знании психологии, истории, экономики, политики и т.д.; эти необъяснимые никакими естественными причинами и простирающиеся на многие века вперед предсказания будущих событий всегда являлись серьезным религиозным аргументом.

Одно из объяснений природы тех немногих предсказаний, которые все же сбываются, заключается в том, что у каждого человека как образа Божия имеется свойство предвидения, предчувствия - хотя проявленное в достаточно обостренной степени встречается редко. Однако в человеке, не очищенном от страстей исполнением Евангельских заповедей, это свойство действует таким образом, "будто смотришь через линзу и видишь как бы в тумане". При этом все подобного рода предсказатели (маги, астрологи, колдуны, гадатели и т.д.), некоторые сознательно, другие неосознанно, в силу своей духовной неочищенности находятся под воздействием темных духов лжи. Потому согласный голос святых отцов всех эпох решительно запрещает обращаться к ним, верить им, распространять их "информацию". Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму" обмана, расстройства, заблуждения, отчаяния, самоубийства.

Профетизм и чудотворение.

Профетизм (греч. - пророк) - пророческое (наставляющее) служение в современной Церкви, осуществляемое всеми составляющими учащей Церкви: иерархией, писателями и святыми.

В числе признаков сверхъестественного откровения с древних времен вместе с чудесами поставлялись пророчества. Такой взгляд на пророчества высказывался не только в иудейском и христианском, но и в древне - языческом мире, хотя в последнем не было истинного понятия о пророчестве. Из специального сочинения Цицерона «О пророчестве» между прочим, видно, что последователи стоической философии смотрели на пророчества, как на необходимые откровения богов и как на ясные доказательства бытия богов. «Невозможно, - рассуждает в упомянутом сочинении Цицерона защитник стоических воззрений, - чтобы существовали боги и в то же время не указывали никакими

предзнаменованиями на будущее. Но боги существуют; следовательно, они предрекают будущее. Если же они предрекают будущее посредством каких-нибудь знаков, то они открывают нам вместе с тем и способы к познанию этих знаков; потому что иначе эти знаки остались бы тщетными для нас. Если же боги открывают нам способы познания будущего, то невозможно, чтобы не было никаких пророчеств; следовательно есть пророчества».

В Новом Завете мы находим такой же взгляд на значение пророчеств. Сам Иисус Христос указывал на свои предсказания будущего как на признак, по которому ученики Его могли убедиться в Его божественном достоинстве. Так, например, свое предсказание о предании Его одним из учеников Христос сопровождал следующими словами: «теперь сказываю вам прежде нежели сбылось то, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я». Равным образом, говоря о своем отшествии к Отцу и будущем своем пришествии, Иисус Христос присовокупил: «вот я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется». Какое важное вообще значение Иисус Христос приписывал пророчествам и их исполнению, это видно также из неоднократных указаний Его на ветхозаветные пророчества, как на доказательства истины Его учения и божественного Его достоинства: «и начен от Моисея и от всех пророк сказаше има от всех писаний, яже о Нем». По примеру Христа и апостолы в ветхозаветных пророчествах о Мессии и в исполнении этих пророчеств на лице Иисуса Христа видели самое сильное доказательство той же истины.

Чудо - под чудом подразумевается такое чрезвычайное воздействие Божие на человека или природу, которое выходит, как правило, за границы известных естественных закономерностей и ставит человека со всей очевидностью и несомненностью перед лицом реального присутствия Бога в мире.

Чудеса бывают внешние (например, воскрешение мертвого, прекращение бури) и внутренние (например, неожиданное полное нравственное перерождение разбойника, мытаря, блудницы; возникновение во время молитвы чрезвычайной внутренней радости при тяжелой скорби или болезни), но и те, и другие объединяет одно общее - это сознание человеком Божественного на него воздействия и его ответная реакция (положительная или отрицательная) по отношению к Богу.

Подлинное чудо (видение, исцеление и др.) всегда сопряжено с духовно-нравственным изменением человека (раскаяние, обращение к Богу или, напротив, ожесточение, богоборчество). Этим оно отличается как от

фокусов, галлюцинаций, гипноза, экстрасенсорики, так и от "чудес", сочиненных фантазией человеческой (Будда, например, для доказательства истинности своего учения достал кончиком языка свой затылок: или, по одному христианскому апокрифу, маленький Иисус Христос делал из глины птичек и оживлял их, и т.п.), которые действуют на воображение, психику, нервы человека, но оставляют прежним его сердце, не изменяют нравственного и духовного состояния его души, характера его жизни.

Нравственные критерии откровения.

На этот счёт существует много концепций и толкований. Вот что пишет Фихте – немецкий философ.

Подробнее учение об откровении, в духе Кантовой философии, раскрыто в специальном сочинении Фихте об откровении. Оно служит типом всех тех теорий об откровении, которые исходят из априорного понятия о нем и думают защитить такое понятие не посредством исторических данных, а чисто априорным же способом. Фихте понимает откровение как возвешение нравственного закона через наше самосознание и смотрит на это как на возвешение Бога — виновника нравственного закона. Подобно Канту, он не отрицает физической возможности внешнего откровения. Он даже обосновывает эту возможность, выводя ее из принципов практического (нетеоретического) разума.

«Если вообще через свободный акт может быть производимо то или другое явление в чувственном мире, то, - говорит Фихте, - и откровение Божие может быть мыслимо как физически возможное; такая возможность не нуждается даже ни в каком доказательстве, коль скоро допускается возможность вообще действия нравственного закона или свободной причины на чувственный мир. Бог, как свободное и разумное существо, может воздействовать в качестве свободной причины на чувственный мир, согласно с нравственной целью — помочь чувственным существам в осуществлении нравственного закона». «Что такое существо может быть — этого также нельзя отрицать, равно как и того, что через самый нравственный закон такое существо определяется к тому, чтобы споспешествовать через все нравственные средства возможно лучшей нравственности всех разумных существ».

Для Бога одинаково возможно, говорит Фихте, как изначально ввести в план целого особую причину известного явления, сообразную с нравственной целью, так равно и воздействовать на

ряд причин и действий, уже действительно начавшийся и продолжающийся по законам природы. «Во всяком случае, противнику откровения непозволительно заключать из объяснимости явлений откровения помощью законов природы, что эти явления не могли быть произведены Богом ни через сверхъестественную причину, ни через другую какую-нибудь особенную причину».

«Для Бога возможны два рода действия: или Он через сверхъестественное действие в мире развивает в сердцах одного или многих избранных им людей нравственное чувство с помощью их собственного размышления и таким путем созидает принцип всей религии, повелевая избранным своим, чтобы они для прочих людей делали то, что Он для них самих сделал; или же Он прямо возвещает этот принцип и основывает его на своем авторитете, как Господь». «Но в действительности для людей, которые боятся размышления, возможен только второй способ божественного действия; непосредственно получившие откровение поэтому должны были распространять их учение во имя Бога». В заключение своего сочинения Фихте решительно говорит, что «через его критику (откровения) совершенно гарантирована возможность откровения сама в себе и возможность веры в определенное, данное, особенное откровение; если эта вера наперед найдена благонадежной и испытанной перед судом особой критики, все возражения против нее навсегда умолкают и весь спор об этом кончается на вечные времена».

Трансляции и интерпретации откровения.

В богословии Нового времени было предложено как минимум три разных ответа на этот вопрос. В эпоху Просвещения и в рамках восходящей к нему либеральной богословской традиции (от Шлейермахера до Гарнака) апокалиптика рассматривалась как рецидив семитского, или мифологического, мышления и на этом основании просто отвергалась. Христианское Евангелие понималось как завершающая форма "духовной жизни", как в существенном смысле достаточная и вневременная реальность. Книга Альберта Швейцера Поиски исторического Иисуса лишила убедительности это представление о Евангелии без апокалиптики. Обращаясь к иудейским корням христианства, Швейцер обнаруживает апокалиптическое измерение проповеди Иисуса и ране христианских ожиданий. Результатом этой работы стало появление новой влиятельной парадигмы "футуристической" эсхатологии, в которой история раннего христианства интерпретировалась в терминах проблемы "отложенной" парусии

Христа. Идея Швейцера состояла в том, что первые христиане ожидали конца мира в ближайшем будущем и поэтому, когда конец не наступил, были вынуждены переосмыслить свое богословие. Парадигма Швейцера, независимо от ее убедительности, по-новому поставила вопрос о том, как первые христиане понимали событие, совершившееся благодаря смерти и воскресению Христа.

В ответ на этот вопрос и в противовес швейцеровскому футуризму некоторые специалисты по Новому Завету (в англоязычном мире прежде всего Ч.Г. Додд) выдвинули парадигму "осуществившейся" эсхатологии. В то же время другие исследователи придерживались мнения, что ни парадигма Швейцера, ни парадигма Додда не соответствуют феномену раннего христианства, и предлагали нечто среднее, например, теорию "вступившей в свое осуществление" (но не завершенной) эсхатологии. Подобную точку зрения разделял и о. Георгий Флоровский.

Спор по апокалиптическому вопросу продолжается поныне. Так, некоторые авторитетные сторонники новых поисков исторического Иисуса в нынешнем американском богословии возвращаются (конечно, используя иной язык) к характерному для XIX столетия либеральному образу Иисуса как учителя "духовной жизни", снова сводя к минимуму апокалиптические элементы в Евангелии.

Разнообразие эсхатологических теорий в современном богословии должно, наверное, служить предостережением против приуменьшения значения Апокалипсиса для Нового Завета и догматического богословия.

Роль церкви в истолковании Божественного Откровения.

Адресатом Священного Предания является Церковь. Апостолы, получившие от Христа Богооткровенную Истину, не сообщали ее отдельным индивидуумам, но вверили Церкви. Сщмч. Ириней Лионский пишет: "Не должно у других искать истины, которую легко заимствовать от Церкви. Ибо в нее, как бы в богатую сокровищницу, Апостолы в полноте положили все, что принадлежит истине, так что каждый желающий может принимать от нее пи тис жизни. Она есть дверь жизни".

Церковь — "верное хранилище Священного Предания"

"Пространный Катихизис" на вопрос, "есть ли верное хранилище Священного Предания?", дает следующий ответ: "Все истинно верующие, соединенные священным преданием веры, совокупно и преемственно, по устроению Божию, составляют из себя Церковь, которая и есть верное хранилище Священного Предания...".

Церковь не есть человеческое сообщество, Церковь — это богочеловеческий организм, Главой которого является Сам Господь Иисус Христос, а все верующие, соединенные с Ним как со своей Главой, в совокупности образуют Его духовное тело, а по отдельности являются членами этого Тела. "И вы — Тело Христова, а порознь — члены".

Поэтому хранителями Священного Предания являются не только иерархи и ученые богословы, но "все истинно верующие". В "Послании Восточных Патриархов" (1848 г.) говорится: "... у нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия (*hyperastis tes threskeias*) у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцев его...". Конечно, и вне Церкви можно сохранять букву учения и даже пытаться строить свою жизнь в соответствии с учением, но вне Церкви нет и не может быть преемственного сообщения благодати и освящения, без которых невозможны ни правильное понимание учения, ни подлинный опыт духовной жизни, ибо "буква убивает, а дух животворит". Только Церковь обладает богодарованными средствами для сообщения благодати, то есть таинствами. "Она — не просто место, где сберегается божественное благовестие и хранится апостольское свидетельство; она — то место, где Сам Христос продолжает Свой искупительный подвиг, а Дух Святой, Дух Истины, непрестанно «научает всему и напоминает все», сказанное Господом Иисусом Христом".

В. Н. Лосский называет Предание "единственным способом воспринимать Истину", потому что "оно есть жизнь Духа Святаго в Церкви, жизнь, сообщающая каждому верующему способность слышать, принимать, познавать истину в при сущем ей Свете, а не в естественном свете человеческого разума". Поэтому, по словам ап. Павла, Церковь есть "столп и утверждение истины".

Церковь — единственная верная истолковательница Священного Писания

Будучи верным хранилищем Священного Предания, Церковь, естественно, является единственной верной хранительницей и истолковательницей Священного Писания. В "Послании

Восточных Патриархов" сказано, "что Божественное и Священное Писание внушено Богом; посему мы должны верить ему беспрекословно, и притом не как-нибудь по-своему, но именно так, как изъяснила и предала оное Кафолическая Церковь. <... > Вселенская Церковь <... > никак не может погрешать, ни обманывать, ни обманываться, но, подобно Божественному Писанию, не погрешит льна и имеет всегдашнюю важность", потому что Святой Дух "всегда действующий через верно служащих отцов и учителей Церкви, предохраняет ее от всякого заблуждения".

"Мы веруем, что свидетельство Кафолической Церкви не меньшую имеет силу, как и Божественное Писание, поелику виновник того и другого есть один и тот же Святой Дух, то все равно, от Писания ли научиться или от Вселенской Церкви...".

Живя в Церкви, человек может научиться Истине непосредственно от Церкви, поскольку Церковь свое учение не выводит из Писания, но имеет его в готовности. И если, рассуждая о каком-либо догмате, Церковь приводит те или иные места Библии, то не для вывода догматов, а только для подтверждения оных. Библия — церковная книга, она создана Церковью и может существовать только в Церкви.

"Книги Священного Писания это одно из средств, через которое в Церкви действует на людей благодатная сила Божия. Дух Божий оживляет только Тело Церкви, а потому и Священное Писание может иметь смысл и значение только в Церкви", - писал епископ Иларион (Троицкий). Вынесенная из Церкви, Библия превращается просто в набор исторических документов. Только в Церкви библейские книги обретают статус Священного Писания. Смысл библейских книг может быть постигнут только в Церкви, в свете хранимого ею Священного Предания. "Я не поверил бы Евангелию, говорил блж. Августин, - если бы меня не побуждал к этому авторитет кафолической Церкви".

Сверхъестественное откровение. Таинство экзорцизма.

Одним из видов откровения, которые выделяет А.И.Осипов, является экзорцизм.

Занимаются им отдельные священники, не имеющие на то, как правило, благословения епископа, без которого, как известно, иерей в принципе не имеет права совершать ни одного священнодействия. Ссылки современных заклинателей на

благословение духовника являются откровенным самооправданием, поскольку без благословения епископа любое священнодействие, и тем более отчитывание (как дело исключительное, не входящее в обычный круг обязанностей священника), превращается в деяние антиканоническое и греховное, губительно действующее и на заклинателя, и на больных. Лаодикийский собор (364 г.) постановил: "Не произведенным от епископов не должно заклинать ни в церквях, ни в домах...". Очень важным при этом показателем духовного состояния отчитывающих священников является тот факт, что не духовники благословляют их на это, а они сами у духовников испрашивают благословения.

Экзорцизм имел место среди первых христиан в век чрезвычайных дарований. Однако и тогда изгоняли бесов только те христиане, которые получили этот дар Святого Духа. Они действовали по повелению Божию, а не по собственному произволению. В послании под именем святителя Климента Римского "О девстве" аскетам-экзорцистам предписывается "...посещать одержимых злыми духами и творить над ними молитвы. Постом и молитвою пусть заклинают, не словами красными, отборными и изысканными, но как мужи, от Бога получившие дар врачевания". Этот дар Духа Святого был редким, а жаждущих изгонять бесов и в те времена было немало, в связи с чем уже "Постановления апостольские" запрещают поставлять экзорцистов, мотивируя это тем, что "славный подвиг заклинания есть дело добровольного благорасположения и благодати Божией через Христа, наитием Святого Духа, потому что получивший дарование исцелений показуется через откровения от Бога и благодать, которая в нем, явна бывает всем". В V в. экзорцисты уже не упоминаются на Востоке.

Православная Церковь всегда следовала словам Спасителя: "сей род изгоняется только молитвою и постом", то есть строгой подвижнической жизнью. Правильная жизнь приводит христианина к смирению, достижению бесстрастия. И из таковых лишь немногим Господь ниспосылал дар побеждения злых духов. Все другие заклинатели, независимо от их сана, по учению Отцов, суть прельщенные и прельщающие, прикрывающие лишь выпрошенными благословениями отсутствие у себя этого дара Божия.

Необходимо обратить внимание и на следующее. Господь запрещал бесам говорить через одержимых людей, и святые отцы категорически запрещали слушать их. В настоящее же время,

когда для "отчитывания" собирается множество людей, бесы получают большие возможности "проповедовать" и заражать их духом лукавства, гордыни, плотских страстей и т. п. Их "проповедь" широко распространяется с помощью телесъемок, газет, журналов, в которых пространно цитируются лжесвидетельства этих духов. При этом не редко бесы изображают страх перед отчитывающими "старцами", публично называют их святыми, сильными, Божиими слугами, чем вводят в откровенный обман (прелесть) и самих "старцев", и простодушных верующих. Результаты бесовской лжи как всегда плачевны. У преп. Иоанна Кассиана Римлянина на этот счет имеется серьезное предупреждение: "Подчас бесы творят чудеса, чтобы вознести в надменность человека, который верит, что обладает чудесным даром, чтобы подготовить его к еще более чудесному падению. Они делают вид, что они горят и бегут из тел тех, где они пребывали, благодаря якобы святости людей, про нечистоту которых они знают".

Великое искушение для человека - стремление достичь здоровья и прочих земных благ любыми средствами, не взирая на тот вред, который может при этом быть для его души. Так называемое отчитывание наглядно это иллюстрирует. Современные люди просто не знают, какому риску подвергают они своих близких и самих себя, приходя на "отчитку". Священник же, "молитвою и постом" не получив от Бога дара изгнания бесов, и пытающийся сам, путем вычитывания молитв и прочих действий победить злых духов, красноречиво свидетельствует о себе. Святитель Игнатий с горечью писал о подобных "чудотворцах": "Душепагубное актерство и печальнейшая комедия - старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований".

Закливание духов в наше время, когда "оскуде преподобный", может иметь самые губительные духовные, психические и физические последствия, как в личном, так и в социальном отношениях, как для самих больных, так, естественно, и для отчитывающего. Преп. Амвросий Оптинский говорил: "Если не хочешь нести скорби, не берись помогать одержимым бесами. Преподобный Симеон Евхаитский советует уклоняться от одержимых злыми духами". Священник, дерзающий изгонять (отчитывать) злых духов "Иисусом, Которого Павел проповедует", рискует подвергнуть себя подобному же поруганию от них, о котором промышлительно повествует книга Деяний апостольских, а бесноватого ввергнуть в еще более тяжкие болезни и страдания.

Список литературы:

1. Иван Андреев - "Православная апологетика", изданная в серии "Духовное наследие русского зарубежья", выпущенная Сретенским монастырем в 2006 г
2. <http://sir35.narod.ru/URANTIA/Revelation.htm>
3. <http://www.pravoslavie.ru/put/060731185538.htm>
4. http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1947_043_3.html
5. <http://www.krotov.info/library/bible/comm3/profetism.html>
6. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) - ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ.
7. <http://www.kiev-orthodox.org/site/theology/1174/>
8. А.И. Осипов – «Путь разума. В поисках истины». Издание четвёртое, исправленное и дополненное.
9. Библия.